

АВТОР
БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ЛЕДОКОЛ» И
«АКВАРИУМ»

ВИКТОР СУВОРОВ ЗМЕЕЕЕД

1936 ГОД. НАЧАЛО «БОЛЬШОЙ ЧИСТКИ».
ОН ДЕЛАЕТ КАРЬЕРУ В ОРГАНАХ.
КАКУЮ ЦЕНУ ОН ГОТОВ ЗАПЛАТИТЬ
ЗА НЕОГРАНИЧЕННУЮ ВЛАСТЬ
И ВОЗМОЖНОСТЬ РАСПОРЯЖАТЬСЯ
СУДЬБАМИ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ?

Приквел остро-
сюжетных романов
«Контроль» и «Выбор»

★★★★★

Новая повесть от автора
супербестселлеров
«Аквариум» и
«Ледокол»

ВИКТОР
СУВОРОВ
ЗМЕЕЕЕД

ПОВЕСТЬ

★★★★★

КНИГИ ВИКТОРА СУВОРОВА

Освободитель

Аквариум

Ледокол

День М

Тень победы

Беру свои слова обратно

Самоубийство

Очищение

Кузькина мать

трилогия «Последняя республика»

Последняя республика

Святое дело

Разгром

повести и романы

Змеед

Контроль

Выбор

опубликованы на английском языке

Inside the Soviet Army

Soviet Military Intelligence

Spetsnaz

The Chief Culprit

киносценарии

Контроль

ВИКТОР СУВОРОВ ЗМЕЕЕЕД

*Приквел остросюжетных
исторических романов
«Контроль» и «Выбор»*

*Новая повесть от автора
супербестселлеров
«Аквариум» и «Ледокол»*

ДОБРАЯ КНИГА

УДК 821.161.1

ББК 84

С89

Суворов, Виктор.

Змеед / Виктор Суворов. — М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2012. — 296 с., 20 отд. л. ил.

ISBN 978-5-98124-567-1

Действие новой остросюжетной исторической повести Виктора Суворова «Змеед», приквела романов-бестселлеров «Контроль» и «Выбор», разворачивается в 1936 году в обстановке непрекращающейся борьбы за власть, интриг и заговоров внутри руководства СССР. Повесть рассказывает о самом начале процесса укрощения Сталиным карательной машины Советского Союза; читатель узнает о том, при каких обстоятельствах судьба свела друг с другом главных героев романов «Контроль» и «Выбор» и какую цену пришлось заплатить каждому из них за неограниченную власть и возможность распоряжаться судьбами других людей.

Повесть «Змеед» — уникальная историческая реконструкция событий 1936 года, в том числе событий малоизвестных, а прототипами ее главных героев — Александра Холованова, Ширманова, Сей Сеича и других — стали реальные исторические личности, работавшие рука об руку со Сталиным и помогавшие ему подняться на вершину власти. В центре повествования — карьера главного героя по кличке Змеед в органах НКВД от простого наблюдателя, агента наружной слежки и палача, исполнителя смертных приговоров, работающего с особо важными «клиентами», до уполномоченного по особо важным делам, заместителя одного из приближенных Сталина и руководителя специальной ударной группы, проводящей тайные операции по всей Европе.

В специальном приложении собраны *более 50 фотографий* 1930-х годов, в том числе уникальные архивные снимки, публикующиеся впервые, рассказывающие о действующих лицах повести и прототипах ее героев.

Издательство «Добрая книга»

Телефон для оптовых покупателей: (495) 650 44 41.

Адрес для переписки/e-mail: mail@dkniga.ru

Адрес нашей страницы в Интернете: www.dkniga.ru

Все права защищены. Любое копирование, воспроизведение, хранение в базах данных или информационных системах, передача в любой форме и любыми средствами — электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи или иными, включая запись на магнитный носитель, — любой части этой книги запрещено без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Виктор Суворов, 2011.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2011 —
издание на русском языке, оформление.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	23
Глава 3	43
Глава 4	67
Глава 5	85
Глава 6	95
Глава 7	111
Глава 8	127
Глава 9	147
Глава 10	167
Глава 11	185
Глава 12	197
Глава 13	207
Глава 14	223
Глава 15	239
Эпилог	255
Послесловие	257
<i>Виктор Суворов о своих книгах и о себе . . .</i>	<i>265</i>

Перед началом Великой чистки в высшем руководстве НКВД был 41 комиссар Государственной безопасности.

Звание Генерального комиссара ГБ равнялось званию Маршала Советского Союза. Это звание тогда носил только один человек. Он был арестован и расстрелян.

*Из семи комиссаров ГБ 1-го ранга
были арестованы и расстреляны семеро.*

*Из 13 комиссаров ГБ 2-го ранга —
арестованы и расстреляны 11, один отравлен
в кабинете нового заместителя главы НКВД, который,
в свою очередь, через год был арестован и расстрелян
уже во второй волне очищения.*

*Из 20 комиссаров ГБ 3-го ранга
трое покончили жизнь самоубийством,
15 арестованы и расстреляны, один бежал в Маньчжурию,
где позднее был убит японцами.*

*Из 41 комиссара Государственной безопасности,
которые накануне Великой чистки руководили тайной
полицией Советского Союза, 1937 и 1938 годы пережили
двое. После смерти Сталина один из них был арестован и
расстрелян, второй арестован, во время следствия сошел
с ума и умер в психиатрической клинике тюремного типа.*

ПРОЛОГ

— **В**ыходит, что за всю свою жизнь ты не убил ни одного человека?
— Так оно и выходит: ни одного.

— Вообще ни одного?

— Да все как-то не выпадало.

— Никогда-никогда?

Совсем парень смутился:

— Никогда...

— Ну, ты даешь! Тебе скоро двадцать один, а ты...

— Так жизнь складывалась, что...

— А ты вспомни. Может, в юности... Ну хоть одного... или, быть может, в детстве?

— Не убивал.

— Зачем же тебя к нам прислали?

— Не знаю. Подписан приказ к вам явиться, вот и явился. Начальству виднее.

— Кем же ты раньше был?

— Разведчиком-наблюдателем по восьмой платформе Северного вокзала*.

* С 1922 по 1955 год Северным назывался Ярославский вокзал.

Переглянулись исполнители, присвистнули: вот это карьера!

— Ты, паренек, видно, с начальством дружишь: из разведчика-наблюдателя да прямо в подручного исполнителя в Лефортове! Такого взлета до тебя никто не делал. Такой приказ мог подписать только сам Народный комиссар товарищ Ягода.

— Вот он самый и подписал.

— Кто же тебя по служебной лестнице с такой скоростью тянет?

— Не знаю, кто тянет. Честное комсомольское, не знаю. Нет у меня блата. Безродный я. Из беспризорных. Знаете в Болшеве колонию НКВД для босяков? Имени товарища Дзержинского. Так я оттуда. Перековали, перевоспитали, — и в разведку. Два года на десятой платформе наблюдателем работал, потом повысили, на восьмую перебросили. Год я там отмотал, обещали на седьмую платформу перевести за ударный труд, а тут вдруг — бац: приказ — подручным исполнителя...

— Тут что-то не так. Так не бывает. Чтобы до таких высот дойти, люди всю жизнь трубят. И очередь в нашу группу длиннее Беломорско-Балтийского канала. К нам заслуженные люди просятся — не берем... К нам исполнители из республиканских наркоматов рвутся, мастера с многолетним стажем...

— А меня сразу к вам...

— Да может мы тебя в свой коллектив не возьмем, неграмотного! На кой ты нам?

— Так прикажете и доложить в секретариат товарища Ягоды? Приказ им лично подписан.

— Приказ — дело серьезное. Да только у нас коллектив сплоченный. Не вступишь — выживем. И товарищ Ягода не поможет. Сам от нас попросишься. У нас работа серьезная. Мы последнюю точку в каждом деле ставим. Тут

соображать надо. Давай-ка мы тебя на сообразительность проверим. Готов?

— Готов.

— Смотри, перед исполнением надо совершенно точно удостовериться, что это именно тот, кто тебе нужен. Для этого клиента к нам сюда заводят. Вот прямо в этот кабинет. Клиент не знает, что его прямо сейчас — того. Обстановка у нас, как видишь, располагающая, даже занавесочка на окне. Я за столом сижу. Дело передо мной. Листаю странички. Мы тут вежливость блюдем. Ему сесть предлагаю. И вопросы — про имя-отчество и год рождения... А на столе у меня по правую руку — пачка «Казбека» и спички. Что бы ты по левую руку положил?

В потолок парень взгляд метнул. Но на потолке ответа не оказалось. Посмотрел в окно. Но и там ничего интересного не обнаружил. Пришлось соображать самому. И он сообразил:

— Кулек мятных пряников.

Переглянулись исполнители. Согласились молча: верно парнишка мыслит.

ГЛАВА 1

1

— **М**еня Иолантой зовут.
— А меня... — он на мгновение задумался.
— А меня — Иваном Ивановичем.

— Вот и познакомились, Иван Иванович.

— Сколько же тебе, Иоланта, годиков?

— Уже восемнадцать, — глазом не сморгнув, — привычно соврала Иоланта.

— И... сколько это стоит?

— Три рубля.

— Сдурела?

— Найдите дешевле.

— Давай за два.

Смерила Иоланта оценивающим прищуром глубину бездонного неба и согласилась:

— Пусть будет два, только денежки вперед.

Так быстро она согласилась, что он даже пожалел: можно было бы рубль предлагать, а то и полтинник. Но было уже предложено и уже принято.

— Ладно. А где?

— У меня место есть.

— Что за место?

— Через площадь привокзальную, через трамвайные линии, за угол, там, в переулке, — трактир, за трактиром — конюшня, на чердаке — сеновал. Никого там нет, на сеновале.

— Хорошо. Только я заплачу, когда придем. Чтоб не удрала с денежками.

— Ах, мы такие недоверчивые... Идите за мной, только по той стороне улицы. И на меня все время не смотрите. Вроде гуляете. Вроде меня не знаете и не замечаете.

2

— Итак, все с самого начала.

— Товарищ Генеральный комиссар Государственной безопасности, все было как всегда. Но на этот раз лопнуло колесо...

— Надо было сменить.

— Запасное оказалось с проколом.

— Надо было звонить.

— Звонил, никто не отвечал, снова...

— Короче, на сколько вы опоздали?

— На два часа девять минут.

— Дальше.

— Прибыл на Северный вокзал с опозданием. Обыскал все. Его не было.

— В милицию обращались?

— Конечно, нет.

— Правильно. Так где же он?

— Не знаю, как сквозь землю.

— «Владивосток — Москва» прибыл на первую платформу?

— Как всегда, на первую.

— Выяснили, кто работал на первой?

— Должен был Звонарев, агентурный псевдоним — Брыль. Но он на переподготовке. Вместо него работал Змеед с восьмой платформы.

3

— Здравствуйте, Змеед.

— Здравия желаю, товарищ Народный ко...

— Дома я просто Генрих Григорьевич.

— Здравствуйте, товарищ Генрих Григорьевич.

Подал Генрих Григорьевич руку. Пожал Змеед нежную белую ладонь Народного комиссара внутренних дел.

— Садитесь.

Садится Змеед, а сам замечает: народный комиссар под столом эдак незаметно руку платочком вытер, да платочек батистовый с буквами вышитыми — в мусорную корзину. Опять же — незаметно. Но Змеед не зря три года разведчиком-наблюдателем на Северном вокзале отрубил. Змеед все видит. Только виду не подает. Так приучен. У больших начальников, известное дело, к своим рукам почтение. Предшественник товарища Ягоды, товарищ Менжинский, ту же манеру имел, — в Болшево, в колонию беспризорную приезжал, всей шпане ручки жал. А потом, бывало, зайдет за уголок, чтоб незаметно, а там из особой канистры ему на руки спирт льют. Беспризорные ему однажды сказали, что лучше бы он им руки не жал и свои ладони спиртом не отмывал, а сразу бы им канистру отдал, так они б его за то пуще бы полюбили...

— Итак, дорогой Змеед, у вас теперь новая работа.

Подумал Змеед, что бы такое ответить, но ничего умного не придумал. Вместо ответа головой мотнул.

— Нравится?

— Еще бы!

- Это я вас на такую высоту поднял.
- Спасибо, Генрих Григорьевич.
- Приказ пока предварительный, но если будете хорошо работать, подпишу приказ окончательно.
- Постараюсь.
- Теперь — к делу. Прежде всего, подпишите вот эту бумагу. Это расписка о неразглашении. Вы, Змеед, никогда на моей даче не бывали, никогда меня не встречали, никогда со мной не говорили.
- Понял.
- Если понял, распишись. И выйдем в сад. Тут душно.

4

- Люська!
- Да.
- Люська, ты кого, стерва, привела?
- Бобра.
- Так он же чекист.
- А мне почем знать?

5

— Вот, товарищ Змеед, десять фотографий. Вы кого-нибудь из этих людей видели вчера на первой платформе Северного вокзала?

— Видел вот этого. Курьерский «Владивосток — Москва», прибыл в пятнадцать часов десять минут. Он вышел из шестого вагона.

— Постойте... В поезде двенадцать вагонов. В Москве выходят все пассажиры. И встречающих — толпа. Смена ваша — восемь часов. За смену вон сколько поездов прихо-

дит и уходит. И вы одного разглядели? Одного запомнили? Он чем-то привлек внимание?

— Нет, этот неприметным был. Но я всех разглядываю. Работа такая.

— Продолжайте.

— Этот был в сером костюме, в шляпе, с портфелем. Думаю, чекист. Средней руки начальник.

— Нет, нет. Он не чекист. А почему вы так решили?

— Просто повидал их на веку. Предположил...

— Вы ошиблись.

— Минут через пятнадцать, когда толпа схлынула, он снова на платформе появился. Явно кого-то искал.

— А потом?

— Потом ушел.

— Этот человек исчез. Как вы думаете, куда он мог пропасть?

— Вариант самый верный: жиганцы выставили шлендру гулящую и взяли бобра на прихват.

Сморщился народный комиссар:

— Вы по-русски можете?

— Простите, Генрих Григорьевич. Ехал человек почти две недели в поезде, а до того, может быть, пароходом шел на материк четыре, а то и пять дней, истомился, и тут — Москва, вышел на перрон, никто не встречает, походил, подождал, еще походил, а на площади трех вокзалов фартовые девочки промышляют...

— И что потом?

— Потом заведет такая лярва в укромный уголок, предложит выпить для начала. Сама, лахудра позорная, понятно, первая пьет, потом ему наливает. В этот момент ловкость рук все решает. Он глотнет — и с копыт. Тут партнеры проявляются, склячивают клифт, лопатник, бранзулетки...

— А с ним что?

— А его под мост или в кусты на кладбище бросят. Отойдет он, голенький, через сутки — в голове шум, ничего не помнит. Вот только если он чекист, тогда хуже ему будет.

— Почему хуже?

— Потому что жиганцы залезут в лопатник, сообразят, на кого нарвались. Чекист так дело не оставит, всю жизнь потом их искать будет. Так чтоб не искал...

— Вот что, Змеед, этого человека надо найти. Может быть, он еще жив. Это очень важно. Я вам обеспечил небывалое повышение, еще и квартиру дам, будущее устрою, на вашей новой работе — самая высокая зарплата и много свободного времени. Все свободное время — на поиски. Докладывать только мне. Как думаете искать?

— Тут, товарищ Генеральный комиссар Государственной безопасности, не мне вам подсказывать: надо оповестить райотделы НКВД Москвы и Подмосковья, обшарить все чердаки и подвалы, все пустыри, развалины, сады, парки, разослать фотографию: пропал человек...

— Нет, нет, только не это...

— Тогда путь один: искать завлекалку. Всех шмар, которые регулярно на трех вокзалах промышляют, я знаю. Туземная лярва на такое не пойдет. Да ее и не поставят. На такое дело только залетная годится.

— И вы вчера на вокзале... заметили новенькую, залетную?

— Приметил.

— Что вам нужно для поиска?

— Дайте мне картотеку на всех малолетних марух и вороваяк Союза. Желательно по районам — от Москвы до самых до окраин. Кроме того, в каждой московской школе, в каждом классе в конце учебного года групповые фотографии делают... Нужно собрать все фотографии со всех школ, детских домов, колоний для несовершеннолет-

них за последние два-три года... Уж больно нездзрелая мелькнула.

— Собирашь фотографии не надо. У нас в НКВД они все собраны. Я отведу вам помещение. Но если... Если она... не московская?

— Тогда буду искать ярославских, тульских, тверских...

— На завтра у вас много работы в Лефортове?

— Нет, у меня два свободных дня, а потом у нас на исполнении один только зиновьевец с процесса.

— Поступим так. В саду за яблонями и за сиренью — небольшой домик. Там никого нет. Вам подготовят место для работы, постель, обеспечат питанием. Повару заказывайте все, что только пожелаете. Мой секретарь Павел Петрович доставит каталоги малолетних преступниц. Потом подвезет фотографии со всех школ Москвы. Приступайте к работе прямо сейчас.

6

Дача, скорее поместье Народного комиссара внутренних дел СССР Генерального комиссара Государственной безопасности Ягоды Генриха Григорьевича — в поселке Коммунарка. Тут же — расстрельный полигон, который по размаху деятельности ничуть не уступает полигонам в Барыше, Бутово, Струмилино и даже в Куропатах.

Хорошо то, что от Москвы совсем близко. Врагов центровых по московским тюрьмам стреляют. Но это, так сказать, штучное производство. В редкие ночи — по несколько десятков. А если три-четыре сотни сразу, так это сюда, вон за те глухие ворота.

Еще и то хорошо, что не надо сил много тратить на охрану многих объектов. В Коммунарке все в одном букете —

и дачи руководства, и дом отдыха чекистов, и учебный центр с небольшим стрельбищем, и, ясное дело, — спецучасток за высоким серым забором.

Красота неопиcуемая. И тишина, когда расстрелов нет. Но и расстрелы особо тишины не расстраивают. Сосны вековые и зеленые елки надежно стрельбу глушат.

Сад у Народного комиссара огромный: яблони, вишни, крыжовник, смородина красная и черная, ежевика. А дальше в глубину — море сирени и черемухи. И там, в зарослях, — домик бревенчатый. Павел Петрович Буланов, секретарь Народного комиссара, завалил этот домик фотографиями. Звание у товарища Буланова — старший майор Государственной безопасности. В петлицах у него по два ромба, как у армейского комдива. У буржуев его бы генерал-лейтенантом величали. А в рабоче-крестьянском государстве генералов нет и быть не может. Генерал — пережиток проклятого прошлого.

Приветлив Павел Петрович. Все выпрашивает, не помочь ли чем. А чем Змееду поможешь? Он один смазливое личико в толпе приметил и тогда еще сообразил, что девочка не из приезжающих и не из уезжающих, не из встречающих и не из провожающих. Кто еще на вокзалах и вокруг вертится? Только тот, кто тут работает. И тот, кто чем-то промышляет.

Всех, кто на Северном вокзале работает, Змеед знает. Она — не из тех. Следовательно...

7

Весь пол папками фотографий запружен. Все столы и полки. Работает Змеед. Только иногда его от работы повар отвлекает. Персональному повару наркома в этот домик вход заказан. О работе Змееда знают только товарищ Ягода и

товарищ Буланов. Повару положено три раза в день в дверь осторожно стукнуть: чего изволите?

Змееед изволил водочки клюквенной и вареников с вишнями да со сметаной. Водочки — чтоб немного совсем. Для аппетита. А вареников — до отвала. Ну, а что на завтрак? И на завтрак вареников. И на обед. Так и далее держать.

Повар в саду под деревьями стол синей скатертью стелет. В тени. Тут бы самое время выпить досыта и завалиться под вишнями. Но нет на то времени. Ночь, день и еще ночь и день. Три часа сна, потом и еще два, и еще три.

— Вот эта.

— Уверены?

— Очень похожа.

8

На Красной Пресне, прямо возле тюрьмы, — высоченные заборы. Над заборами еще и проволока колючая. Въезд — через стальные ворота с красными звездами, вход — через проходную с суровыми вооруженными вахтерами. Это — Военно-пересыльной пункт, ВПП.

За заборами — здания типа бараков. Только бараки те — кирпичные, крепко сложенные еще Государем Николаем Александровичем. Окна — почти под потолками. По метру высотой, по два с половиной шириной. Чем-то на оружейные амбразуры похожие. Входишь — зал с кафельным полом. У входа — дневальный. Кого ни попадя сюда не пустят. Вправо и влево от главного зала — спальни. Койки — солдатские, железные. В два яруса. 160 мест в правой спальне. 160 в левой. Это общежитие холостяков Первой боевой группы Пятого отдела Главного управления Государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. Тут живет

Змееед. У него — свободный выход за ворота: захотел — вышел, захотел — вошел. Хоть в полночь, хоть к рассвету. У Змеееда — собственное спальное место и тумбочка, в железном шкафу — собственная секция с висячим замком. В шкафу — шинель со споротыми петлицами, пара яловых сапог, сапоги резиновые, полуботинки фабрики «Скороход», брезентовый плащ, полушубок, шапка-кубанка, валенки с резиновыми галошами, три рубахи, штаны запасные, револьвер с патронами и кастет.

Кастет свинцовый Змееед сам себе смастерил. Собрал пуль в тире, выплавил свинец, форму вылепил и отлил. Кастет в кармане неудобно носить — оттягивает. Потому Змееед заказал сапожнику кожаную сумочку на ремень. На дежурство он с револьвером ходит, а кастет — с собой, так, на всякий случай. Федя Сверчок, который все знает, давно разъяснил Змеееду, что «кастет» — слово французское, *casser* — «разбивать», *tête* — «голова». *Casse-tête* — головоломка. Но русские термин заморский слишком прямолинейно истолковали.

Сидит Змееед на кровати, на синем суконном одеяле с черными полосочками, соображает. Все вроде хорошо. И что-то не хорошо. Новая работа подручного исполнителя интересна, увлекательна, почетна, денежна. В дни исполнения стограммовая доза предусмотрена, но дают сколько хочешь, на нормы не глядя. И кормят кашей гречневой с маслом, с котлетами. Худо ли? Но почему-то не нравится Змеееду история с пропавшим на Северном вокзале пассажиром.

В дальнем углу Федя Сверчок книжку читает. Федя всегда читает. Не отрываясь. Подсел к нему Змееед:

— Слушай, очкастый, а как при царе Иване следствие вели?

— Два варианта: со следами и без.

— И как — со следами?

— Самый простой способ — веревками перетирали руки, ноги, живот или еще какие нежные места.

— А без следов?

— Способов уйма. Кладут на спину, руки-ноги растягивают и вяжут, на брюхо и на грудь — блюдо железное, на блюдо — гирю пудовую, одну, другую, если мало — третью...

— Какое злодейство самое страшное?

— Ясное дело: умысел на царя. Крикнет холоп Ивашка «Слово и дело!» — и закрутилась карусель.

— Что значит «слово и дело»?

— Это формула такая. Крикнул на площади, крикнул в трактире, и никто тебя после того тронуть не смеет. Наоборот, каждый тебя охранять должен. Клич этот означал, что ты что-то знаешь про заговор. Тебя каждый обязан был проводить прямо к царю. А кто против тебя пойдет — того огнем жечь будут: зачем правде путь пресекаешь, зачем ей перечишь?

— А если я в шутку «слово и дело» крикнул? Если крикнул, да ни черта не знаю?

— Тогда тебя на скотобойне под ребро на крюк подвесят. Чтоб не шутил. Или посадят в котел с водой, разведут под котлом большой огонь и сварят. А выпрыгнуть не позволят. На то дюжие мужики с молотками приставлены. Еще могут за ноги подвесить на двух веревках, так, чтоб ноги в разные стороны растянуты были. И пилой по промежности надвое распилят. Вдоль хребта к голове.

— Понятно, — сказал Змеед и вздохнул почему-то глубоко и протяжно.

Пошел в свой угол, достал лист серой бумаги, конверт, чернильницу и ручку со стальным скрипучим пером. Сначала написал на конверте: «Красная Пресня. ВПП. Спросить Змееда».

Долго молчал, невидящим взглядом уставившись в чис-

тый лист. Потом решительно вывел большими буквами:
«Слово и дело».

По следам героев повести Виктора Суворова «Змеед»

Фотодокументы из архивов 1930-х годов

Специальное приложение

→ **Александр Голованов**, ставший прототипом Александра Холованова (Дракона), входил в ближайшее окружение Сталина, был его доверенным лицом и исполнителем самых важных заданий, личным телохранителем, следователем и пилотом вождя. Имел право на свободный доступ к Сталину, который называл его по имени в знак своего особого доверия. Участник гражданской войны, член ВКП(б) с 1929 года. В 1924—1933 годах работал в органах ОГПУ, занимал должности от уполномоченного до начальника отделения. Принимал участие в аресте Бориса Савинкова. Дважды выезжал в командировки в Китай в 1930 и в 1931 годах. Без отрыва от службы стал отличным наездником, мотогонщиком, летчиком; достигал высших результатов в каждом деле, за которое брался.

В 1933—1941 гг. состоял на службе в Гражданском Воздушном Флоте (ГВФ), где был командиром особого авиаотряда и шеф-пилотом эскадрильи особого назначения. В 1938 году газеты писали о нем как о летчике-«миллионере», то есть налетавшем миллион километров. Участвовал в боевых действиях на Халхин-Голе и в Советско-финской войне. В феврале 1942 года назначен командующим авиацией дальнего действия; лично участвовал в дальних бомбардировочных рейдах, в том числе в бомбардировках Берлина. Имел позывной «Дракон». С 1944 года — Главный маршал авиации, с 1946 года — командующий дальней авиацией СССР. В 1948 году снят с этого поста, в 1952 году назначен командиром воздушно-десантного корпуса. В 1953 году, после смерти Сталина, отправлен в запас. Более 10 лет работал начальником одного из училищ гражданской авиации.

↓ «**Лахти**» (Lahti L-35), финский пистолет, единственный в мире «полярный пистолет», созданный специально для стрельбы в условиях низких температур и возможного обледенения. Имеет очень короткий и легкий спуск и незначительную отдачу (что позволяет вести очень точную стрельбу), а также необычный для пистолетов узел — ускоритель отката затвора, обеспечивающий высокую надежность в любых условиях. Производился в Финляндии вплоть до 1958 года.

РГАКФД

Александр Евгеньевич Голованов (1904—1975),
ставший прототипом Александра Холованова (Дракона).

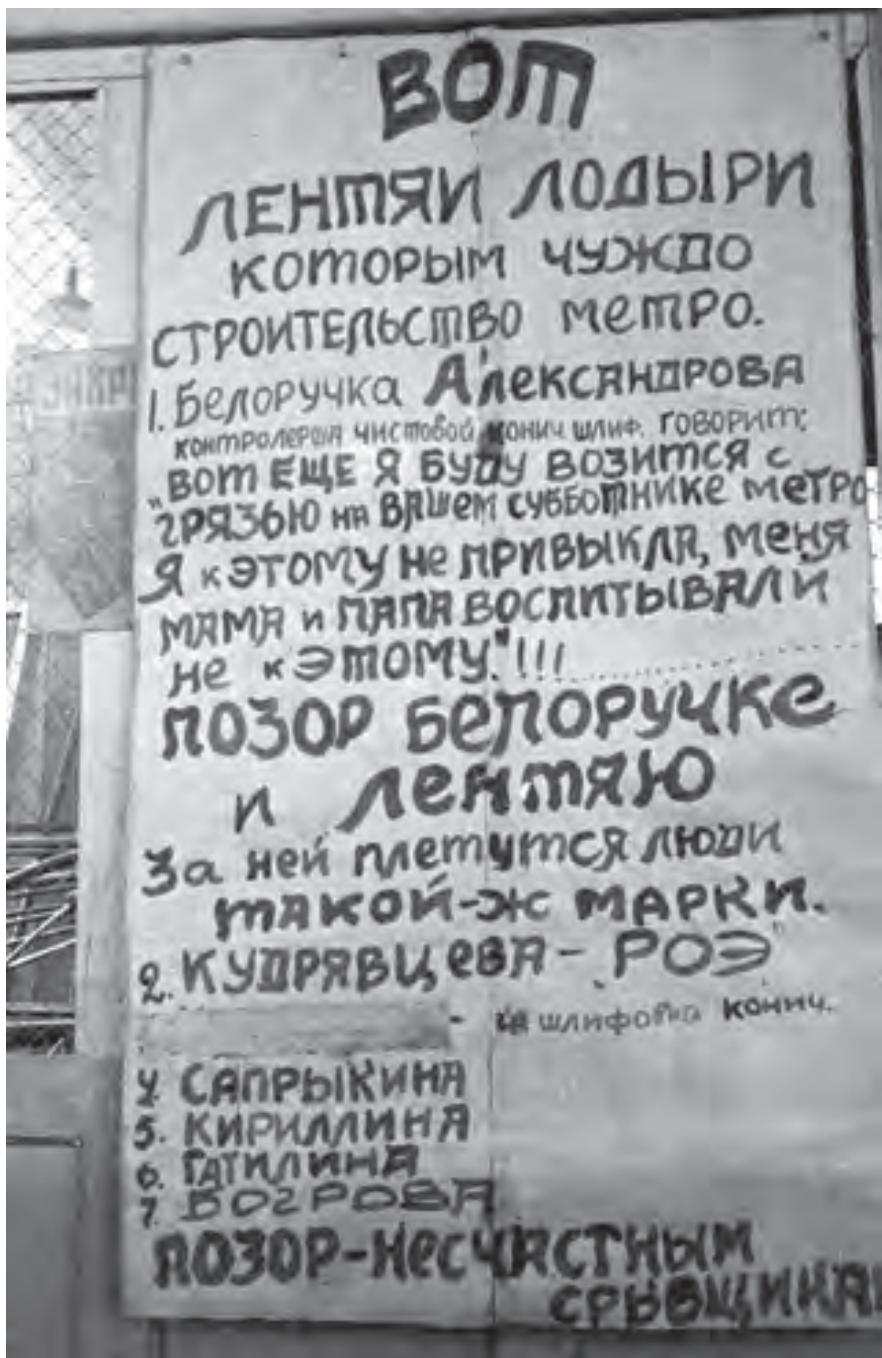

РИА Новости

- ↑ Иосиф Сталин и Климент Ворошилов (слева) беседуют с летчиками и парашютистами на аэродроме в Тушино 02 мая 1935 года.
- ↓ Летчик-испытатель поднимает в воздух один из первых советских автожиров. Такие машины положили начало отечественному вертолетостроению (1932 год).

РИА Новости

Плакат, позорящий людей, которые не участвовали в субботнике по строительству метро (Москва, 1934 год).

Виктор Суворов
(Владимир Богданович Резун)
2011 год

Виктор Суворов о своих книгах и о себе

Родиться меня угораздило на Дальнем Востоке в 1947 году. Детство прошло в дальних и очень даже дальних гарнизонах — Барабаш, Янчиха, Славянка, снова Барабаш, Рязановка... И было там все, что нужно человеку для полного счастья: самоходные орудия СУ-76 и СУ-100, зенитные пушки 52-К, бронетранспортеры БТР-40, БТР-152 и даже БТР-50П, гаубицы М-30 и Д-1, артиллерийские тягачи, танки ПТ-76 и еще много-много всего разного, включая брошенные укрепленные районы по всему побережью Тихого океана.

В Барабаше стояла дивизия, в Славянке — тоже, потому школы там были большие, а в Рязановке у нас была одна учительница на все четыре класса. Она же была и директором школы, и уборщицей. В одной комнате сидел и первый, и второй классы; потом, во вторую смену, в той же комнате — третий и четвертый. По пять-шесть ребят в каждом классе. Учительница вела половину урока с первым классом, вторую половину урока — со вторым, а после обеда первую половину урока — с третьим классом, вторую — с четвертым.

В сентябре 1957 года моего отца после 12 лет службы на Дальнем Востоке перевели в Киевский военный округ. В Конотопе мы жили на улице Гарматной, то есть на Пушечной или Артиллерийской, если на русский язык перевести. Учился я в школе №8. Первые четыре класса — пять разных школ. Когда мы уезжали из Рязановки, учительница вырвала листок из тетрадки

и написала справку: «Володя Резун за сентябрь получил отличные оценки по таким-то предметам...» Печати у нее, ясное дело, не было. Чисто конкретно: филькина грамота. И тогда отец в штабе заверил сей документ печатью 72-го гвардейского Порт-Артурского ордена Александра Невского минометного полка.

В августе 1958 года я поступил в Воронежское суворовское военное училище. Суворовские училища были созданы по приказу товарища Сталина в 1943 году. При нем этих училищ было 15. Кроме того — два суворовских училища НКВД. У тех были не алые погоны, петлицы и лампасы, а синие. Их называли «аракчеевцами». После Сталина в системе Министерства обороны было создано еще два СВУ: Ленинградское и Минское. Организация всех суворовских военных училищ была установлена лично товарищем Сталиным: начальник училища — генерал-майор, у него три полковника в заместителях: первый зам, начальник учебного отдела и начальник политического отдела. В каждом училище — семь рот. Ротные командиры — подполковники, взводные — майоры. Прапорщиков тогда не было, были сверхсрочники. В каждой роте — старшина роты, в каждом взводе — заместитель командира взвода. То есть в каждой роте по четыре сверхсрочника или прапорщика, если перевести на современные понятия.

Во взводе — 25 суворовцев, в роте — 75, в училище — 525. Однако выгоняли оттуда беспощадно. После первого года обучения обычно делали небольшой дополнительный набор. После того непригодных выгоняли, но нового набора не было, поэтому в училищах был некомплект, который в каждой роте увеличивался по мере приближения к выпуску.

Во время моего обучения начальником Вж СВУ был полковник Иванов, затем генерал-майор Дудоров. Командиром роты был подполковник Меркулов, затем — подполковник Истомин. Командирами взвода последовательно были майор Федоров, капитан Дементьев, майор Степанский, майор Панферов. Старшиной роты все годы был старшина сверхсрочной службы Черных, заместителем командира взвода — старшина сверхсрочной службы Усков.

Военный городок, в котором располагалось училище, был по-

строен при Александре Третьем специально для штрафного батальона. Здания двухэтажные, кирпичные, сработанные на века. В центре — мощное сооружение, на первом этаже которого несколько десятков одиночных камер, под потолком — тюремные окошки с решетками и железными ставнями. В наше время в этих камерах располагались склады училища, от оружейных до вещевых и продовольственных, — камер было много. А на втором этаже были огромные залы. В мое время там размещалась грандиозная библиотека и читальный зал. Библиотека была не просто грандиозной, но роскошной. Во время войны немцы были на правой стороне реки — там, где лежит город, — а на левую сторону их не пустили. Это был пригород, название ему — Придача. Вот на Придаче и располагались эти самые казармы. Перед началом боев — а они в Воронеже были такими же жестокими, как и в Сталинграде, — городскую библиотеку вывезли в несокрушимые казармы.

До 1917 года Воронеж был городом купеческим, промышленным, а еще раньше Петр Первый тут строил флот для выхода в Азовское и Черное моря. Городская библиотека была набита книгами XIX века. Город был буквально стерт с лица земли во время войны, а казармы на Придаче устояли, и только на некоторых зданиях остались следы осколков.

После войны городу было не до библиотеки — ее все равно негде было размещать, потому она так и оставалась в нашем училище. В основное книгохранилище, понятно, никого не пускали, книг тех никому не давали. Исключение составляли те отдельные не вполне нормальные книголюбы, которые по воскресеньям приходили добровольно книжные завалы разбирать, сортировать, раскладывать, составлять каталоги. Работа продвигалась медленно, но никто и не торопил. После войны прошло почти два десятка лет, а работа все еще не была завершена. Что с той сокровищницей стало потом, не знаю. Но подозреваю, что городские власти просто забыли о том, куда отправили библиотеку во время войны. Им никто об этом и не напоминал.

Вокруг здания с одиночными камерами и библиотекой непробиваемым прямоугольником стояли все остальные постройки: штаб, казармы, учебные корпуса, столовая, два спортзала, санчасть, баня и все прочее. Во всех остальных зданиях окна были

нормальные, высокие и широкие, но в каждом оконном проеме торчали куски мощных стальных прутьев от решеток, которые выпилили, превращая городок штрафного батальона в место подготовки подрастающего военного поколения. Зрительный зал был устроен в просторной и высокой батальонной церкви, у которой снесли колокольню, а на месте алтаря возвели сцену.

Распорядок был строгий и четкий: подъем в 7:00, зарядка, туалет, утренний осмотр, завтрак, шесть часов занятий, обед, два часа свободного времени, два часа обязательной самоподготовки, ужин, час необязательной самоподготовки (можешь уроки учить, а можешь книжку читать), вечерняя прогулка (то есть строем с песнями), вечерняя поверка и отбой.

В 13 лет я написал свой первый роман — о механическом коте, которого использовали в разведывательных и террористических целях. Дело давнее, но иногда чертики в бок вилами царапают: а не восстановить ли текст? Ведь получилось забавно.

Учили нас хорошо и по особой программе. В обыкновенных школах — десять классов, в СВУ — одиннадцать. В конце каждого учебного года сдавали экзамены. После экзаменов — лагерь, где подготовка продолжалась. Когда подросли, каждое лето — стажировка в войсках: форма солдатская, только сапоги не кирзовые, а яловые, офицерские. Распорядок на стажировке армейский, с подъемом в 6:00 и боевой подготовкой без поблажек и упрощений.

А мои разоблачители уличают: в 11 лет поступил в суворовское училище! Вот она, коррупция! Вот он, блат!

Для пущей убедительности разоблачителям следовало бы сообщить: он-то в 11 лет поступил, а все остальные вон в каком возрасте... Но разоблачители почему-то уточнять не стали. Ибо если бы сообщили, что остальным было по 15—16 лет, тогда возникла бы неясность: что же я один среди этих лбов делал? Меня по особой программе учили или как? А когда тех лбов выпустили и отправили в высшие военные училища, что же со мной стало? Оставили повторить курс?

Так вот, граждане, всех тогда принимали в 11 лет. Так еще в 1943 году установил товарищ Сталин. Первая рота была

самой младшей. На другой год ей присваивали следующий по возрастанию номер: рота становилась второй, еще через год — третьей и так далее. Шестая рота — предвыпускная, седьмая — выпускная. В первую роту нас зачисляли после четвертого класса в 11 лет. Когда нам было 12 лет, рота становилась второй, а когда 17 — седьмой. В 18 лет училище заканчивали.

Кадетское братство жило в атмосфере какого-то внутреннего благородства, и я бы даже сказал — аристократизма. Подлецы и мерзавцы в той атмосфере не выживали. Наши кадетские коллективы от Питера до Уссурийска отличались от всех других. В школу утром пришел, потом ушел домой. В детские исправительные учреждения одни приходят на короткий срок, другие на длительный; появляются новые друзья и враги, уходят старые. А мы с первого дня на семь лет были спрессованы в единую семью. И с первого дня кадеты из старших рот объясняли правила кадетского поведения и упорно их насаждали. Беспощадно каралось стукачество и любые другие мерзости. Проступок, совершенный на первом году, помнили всегда. Тот, кто в коллектив не вписывался, уходил сам. Того, кто не выдерживал нагрузки, отчисляли.

В моем отделении при поступлении было восемь человек. После первого года обучения выгнали Женьку Маслова, добавили Ваню Сархошьяна. После второго года выгнали Володю Солопова. После третьего Витю Шилова перевели в Киевское СВУ, Сашу Слукина отчислили по состоянию здоровья. После четвертого года выгнали Костю Барашкина и Ваню Сархошьяна. После шестого года — Володю Лифшица. До выпуска дошли двое — я и Саша Юрин. Саш, привет!

Нужно признать, что наш случай не стандартный. Но в общем картина была такая: набрали 75 человек в роту, через год добавили 10, через семь лет выпустили 49 человек.

В 1963 году Воронежское СВУ расформировали. Меня перевели в Калининское СВУ, которое я окончил летом 1965 года.

И снова разоблачители ликуют: это его по блату устроили...

Озадачим разоблачителей вопросом: если меня по блату перевели в другое училище, то что стало с моими товарищами?

Рассеем туман: в 1960 году Никита Хрущёв ударил по армии. Она была сокращена на миллион двести тысяч человек. Реорганизация коснулась и суворовских училищ. Было решено срок обучения сократить с семи лет до трех. Но если срок сократить, то в тех же казармах и учебных корпусах можно готовить вдвое больше будущих офицеров. Следовательно, количество суворовских училищ можно сократить. В системе Министерства обороны их было 17, решили оставить 9. Реорганизацию провели с умом. В 1960 году на три года был прекращен прием во все суворовские военные училища. Потому осенью того года во всех училищах осталось по шесть рот. Не стало первых рот — их не набирали. В каждом училище появились свободные казармы и учебные корпуса. В том же году было расформировано Саратовское СВУ. Шесть его рот разослали по другим училищам. При этом роты на части не рвали, сложившиеся коллективы не ломали.

На следующий год во всех суворовских училищах уже не стало не только первых, но уже и вторых рот. И было расформировано три училища: Оренбургское, Тульское и Тамбовское. В наше Воронежское СВУ прибыло две роты из Тулы. Первой и второй рот у нас нет, зато есть две шестых и две седьмых.

В 1962 году во всех училищах не стало и третьих рот. В том году тем же порядком были расформированы Новочеркасское и Ставропольское училища.

В 1963 году дошла очередь и до нас. Три оставшиеся роты воронежских суворовцев перевели в Калинин. В этом же году возобновился прием. Но теперь уже принимали в возрасте 15 лет. Мы этих ребят называли «кутузовцами». Были они славными и правильными, но с нашей точки зрения, в системе суворовских училищ что-то было навсегда и безвозвратно потеряно.

В 1964 году было расформировано Куйбышевское СВУ. В том же году систему нумерации рот сменили. Теперь номер роты не отражал твоего старшинства. Он ничего не отражал — просто номер. Мы, не сгибаясь, прошли от первой до шестой включительно, но вместо самой желанной и почетной седьмой роты вдруг попали в четвертую. Представим, что в обычной школе десятый класс внезапно назвали бы шестым или пятым.

В период моего обучения начальником Кл СВУ был генерал-майор Костров, командиром моей роты — подполковник Прохожаев, командиром взвода — майор Топорков, старшиной роты — старшина сверхсрочной службы Алферов, заместителем командира взвода — старший сержант Маслов.

Будем считать, что в Калининское СВУ меня перевели по блату, но чтобы не было скучно, вместе со мной по тому же «блату» перевели еще три роты моих товарищей. А всего за пять лет реорганизации «по блату» переместили 2410 суворовцев из восьми расформированных училищ в девять оставшихся.

Не знаю, были ли когда-то в суворовских училищах плохие командиры или плохие преподаватели. Мне за семь лет такие не встречались. А кадетские алые погоны с буквами «Кл СВУ» я храню по сей день.

После СВУ я поступил на второй курс Киевского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени Фрунзе — его как раз только что перевели из Одессы в Киев. История тут вот такая. В Киеве военных училищ было много. Среди них — одно с очень скромным именем ККТУ — Киевское командно-техническое училище. В названии не присутствовало даже слово «военное». Но если училище командное, то уж ясно, что оно не гражданское. Курсанты носили танковые эмблемы, командовал училищем генерал-майор артиллерии Мухачев. А готовили там офицеров Ракетных войск стратегического назначения для службы в частях и соединениях, вооруженных изделиями 8К63, 8К64 и 8К65, то есть стратегическими ракетами средней и межконтинентальной дальности. Товарищ Хрущёв сделал упор на ракеты и развернул мощную систему подготовки командных, инженерных и технических кадров, но вскоре выяснилось, что такое количество офицеров Ракетным войскам стратегического назначения не нужно. В 1965 году ККТУ произвело последний выпуск «танкистов» и было закрыто.

А в это время Одесскому высшему общевойсковому командному училищу стало тесно в родных стенах. Тесно стало потому, что там кроме советских офицеров готовили еще борцов национально-освободительных движений. Сейчас весь мир борется

с международным терроризмом. Но прежде чем с международным терроризмом бороться, его следовало создать. Вот его и создавали в Советском Союзе усилиями разных организаций и ведомств. К этому важному делу приложило руку и Главное разведывательное управление Генерального штаба (ГРУ ГШ). Идея была простая: поднять народы Азии, Африки и Латинской Америки на борьбу с капиталистами, прежде всего — с американскими. Потом этим очень важным вопросом серьезно занялись американцы и британцы. Идея была тоже очень даже простая: поднять мусульман против Советского Союза. И их поднимали — кормили, поили, учили, снабжали оружием и деньгами, перебрасывали в Афган...

Теперь общими силами успешно боремся с этим вселенским злом. Но начиналось распространение этой заразы из нашей страны.

В то время высших общевоинских командных училищ было семь. Все они имели свои особенности, свой уклон. Одесское ВОКУ отличалось от остальных тем, что находилось под негласным контролем ГРУ. Люди из ГРУ, не привлекая к себе внимания, присматривались к курсантам для того, чтобы в грядущем расставлять некоторых выпускников по всем этажам военной разведки. Ни курсантам, ни командирам низшего и среднего звена об этом знать не полагалось. Большинство выпускников продолжало службу в мотострелковых и танковых подразделениях и частях, не имея никакого отношения к военной разведке.

Одновременно ГРУ готовило в Одесском ВОКУ бойцов национально-освободительных движений, а проще говоря, — террористов из стран Азии, Африки и Латинской Америки. Для них был особый факультет. К середине 60-х годов этих борцов стало столько, что одного факультета уже не хватало. Да и контакт советских курсантов с братьями по классовой борьбе был нежелателен. Потому было решено отдать «братьям» все училище, а советских курсантов перевести куда-нибудь в другое место. Куда же? Да вот же в Киеве место освободилось! Так Одесское высшее общевоинское командное училище летом 1965 года стало Киевским, разместившись в городке, который освободился после расформирования ККТУ. Прибывшие из

Одессы курсанты были совсем не рады такому повороту судьбы. Они писали на стенах: «Лучше Одесса с триппером, чем Киев с каштанами».

В тот самый момент, в августе 1965 года, я поступил в Киевское ВОКУ. Готовили там серьезно. Окончил с отличием. Освободил Чехословакию от тлетворного и пагубного влияния капитализма. По возвращении получил назначение в 145-й гвардейский Будапештский орденов Суворова и Богдана Хмельницкого учебный мотострелковый полк 66-й гвардейской Полтавской Краснознаменной дивизии Прикарпатского военного округа. Назначение в учебную дивизию было в наше время поощрением и повышением. В линейных частях взводному потолок — старлей, ротному — капитан. В учебных частях взводный — капитан, ротный — майор. И должностные оклады в учебных частях и соединениях были выше. Полк мой именовался мотострелковым, но готовил сержантов для разведывательных подразделений и частей мотострелковых и танковых дивизий Прикарпатского военного округа и двух групп войск, Центральной и Южной, то есть для советских войск в Чехословакии и Венгрии.

Подготовка была, мягко говоря, свирепой. В то время главной задачей разведывательных подразделений и частей в бою был поиск и уничтожение ядерного оружия противника и средств его доставки. Разведывательные подразделения, обнаружив в тылу противника ядерный фугас, ракетную батарею или 203-мм самоходную гаубицу, были обязаны сообщить об этом в штаб и атаковать, каковы бы ни были их шансы на успех. Наши вероятные (и маловероятные) противники это понимали, потому уже в мирное время предпринимали меры по охране и обороне особо важных объектов. На это Советская Армия отвечала усилением разведывательных подразделений. Ранее главной ударной силой разведывательных батальонов мотострелковых и танковых дивизий были плавающие танки ПТ-76. При мне их заменяли на Т-55 и Т-64.

Служба в учебке медом не казалась. Учебная дивизия в любой момент по тревоге разворачивалась в боевую. Тревог таких хватало. Потому у всех нас было как бы сразу две службы в одно время: и подготовка сержантов, и сохранение мобилизационной

готовности соединения. Но это не все. После выхода дивизии по тревоге на месте оставался второй комплект вооружения, боевой техники, транспорта, боеприпасов и так называемое «ядро» (то есть группа офицеров) для приема резервистов и развертывания дивизии второго формирования. За время службы мне пришлось побывать как в первом составе, так и в «ядре».

Я быстро убедился, что власть наша родная зря денег никому не платит и воинскими званиями на халяву не балует. Служба осложнялась не в последнюю очередь нехваткой командных кадров. Из дивизии постоянно забирали офицеров в длительные зарубежные командировки — на Кубу, в Египет, в Сирию, во Вьетнам и еще черт знает куда. Но был приказ министра обороны: должности убывших в длительные командировки не занимать. Должности оставались вакантными, но работу за убывших кто-то должен был выполнять. В моем батальоне, например, не было начальника штаба — он воевал в Африке, и нового прислать на это место не могли. Потому командир первой роты временно (три года) выполнял его обязанности. Но если на месте нет ротного, командир первого взвода работал за него. А в полку не было начальника разведки. По той же причине. Потому один ротный выполнял его обязанности...

Курс подготовки сержантов — полгода. Получали новобранцев эшелонами и через шесть месяцев, присвоив лычки приказом командира дивизии, отправляли в войска. Сдал экзамены — младший сержант, сдал на «отлично» — сержант. Готовили разведчиков по существу к самоубийственным действиям, но гибелью разведывательных групп обеспечивали выживание главных сил.

В 66-й гвардейской учебной мотострелковой дивизии я сделал четыре отличных выпуска. Следующая ступень служебной лестницы — разведывательный отдел штаба Приволжского военного округа. Куйбышев был секретной резервной столицей Советского Союза. Штаб округа — на берегу Волги, а за ним грандиозная площадь. Говорят, одна из самых больших в Европе, если не в мире. Под той площадью, как все мы теперь знаем, был тайный командный пункт товарища Сталина, в сравнении с которым командные пункты Гитлера и Чёрчилля выглядят очень даже не солидно и не серьезно.

Кстати, о Чёрчилле. Давайте послушаем, как это имя произносят британцы. На мой взгляд, в этом имени звучит «ё». Зря мы эту букву забываем, зря из языка выбрасываем. Наш язык и так обеднён за последние десятилетия. А в этой букве столько мягкости и нежности, которой так не хватает нашим чёрствым душам.

И если уж об этой красивой букве речь зашла, то давайте подумаем над тем, почему наш добрый народ норовит все время расставить точки над «и», которые вовсе расставлять не нужно. И почему наш народ точек над «ё» расставлять не спешит? Кроме как свойствами загадочной русской души такие вещи мне объяснить не удается.

Но вернемся к запасной столице.

При Хрущёве и Брежневе роль Куйбышева как секретной резервной столицы страны сохранялась. Потому штаб Приволжского военного округа тайно нес дополнительную нагрузку — в случае обострения международной обстановки тут разворачивались запасные командные пункты Ставки Верховного Главнокомандующего и Генерального штаба, а также стратегический узел связи. В коридоре разведывательного отдела штаба Приволжского военного округа судьба столкнула меня с той, о ком в «Аквариуме» я упомянул в одной лишь строке, — со звонкой девочкой из группы контроля.

После года службы в этом штабе — три года Военно-дипломатической академии Советской Армии, четыре года работы в агентурном добывании и уход.

Разоблачители ищут — и находят — несоответствия в биографиях Виктора Суворова и Владимира Резуна.

Зря стараетесь, граждане, — соответствия и не должно было быть. Если бы я точно назвал имена, места и даты, это было бы подлостью по отношению к моим товарищам, сослуживцам и командирам. Потому я сместил повествование по месту и времени, изменил имена. В своих книгах я совершенно сознательно работал «на понижение».

В «Освободителе» и «Аквариуме» Виктор Суворов — колхозный шоферюга, который на базаре торгует арбузами и тревит

Днепр ядовитой мерзостью, а Владимира Резуна с 11 лет готовили в особых военных учебных заведениях.

Виктор Суворов поступил на первый курс Харьковского гвардейского танкового командного училища, а Владимир Резун — сразу на второй курс Киевского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени Фрунзе.

Виктор Суворов служил в штабе Прикарпатского военного округа, а Владимир Резун — в штабе Приволжского, в секретной запасной столице Советского Союза.

Виктор Суворов попал в номенклатуру Центрального Комитета старшим лейтенантом, а приткий Резун — еще лейтенантом, побив все рекорды.

В «Аквариуме» я одной строкой упомянул о звонкой девочке из группы контроля, а в жизни Резуна дело этим не ограничилось.

Всем выпускникам Первого факультета Военно-дипломатической академии положен еще как минимум один год подготовки в разных управлениях ГРУ. Через тот год прошел и Виктор Суворов, а в реальной жизни я попал на боевую работу за рубеж самым первым из всего выпуска, минуя этот год дополнительной подготовки.

Виктор Суворов работал в Вене — во втором по значению центре мирового шпионажа, а Резун — в Женеве, в первом центре, в главной его столице.

В «Аквариуме» у меня один Навигатор, а в настоящей жизни сменилось три резидента: два умных, третий — не очень. Когда через несколько лет после всего случившегося этот третий умер, никто из ГРУ не пришел его хоронить, хотя был он генерал-майором. Его люто ненавидели все — и начальники, и подчиненные. Полосатые штаны он заработал только потому, что брат его был помощником у товарища Брежнева. Этот умник в генеральских штанах рос в высоких кабинетах Москвы, и его первая должность за рубежом, высшая из всех возможных, — резидент ГРУ в Женеве. Он провалил все, что можно было провалить. Его образом я не стал поганить свою книгу. И настоящих причин ухода никогда не объяснял.

Виктор Суворов бежал один и из Австрии, Владимир Резун — с женой и малыми детьми и из Швейцарии.

Я к чему? К тому, что и «Рассказы освободителя», и «Аквариум» были написаны и опубликованы во времена товарищей Брежнев и Андропова, когда союз нерушимый республик свободных был велик и могуч, когда мало кто верил, что скоро его не станет. «Аквариум» — не обо мне, не о моих похождениях, а о том, как работает военная разведка от батальона и выше, до самых важных резидентур. И было два у меня пути.

Первый: назвать всех, с кем выпало служить, по именам, и поломать много судеб.

Второй: изменить все имена, начиная с собственного, сдвинуть действие во времени и пространстве. Особую осторожность проявил, когда речь шла об агентуре. Прошу заметить, после моего ухода не было ни одного шпионского процесса. Никто не был арестован и осужден.

Может быть, плохо работал и ничего не знал?

Того, кто в стратегической агентурной разведке плохо работает, выгоняют после первого года. Я же отбыл полный срок командировки, все три года. В виде исключения был оставлен на четвертый год, в виде особого исключения — на пятый.

Чтобы никому не причинять неудобств, назвался чужим именем и решил псевдоним никогда не раскрывать. Меня впервые раскрыл начальник ГРУ генерал-полковник Е.Л. Тимохин:

Псевдоним «Суворов» взял себе бывший майор Резун Владимир Богданович («Красная звезда», 29 апреля 1992 года).

И вот теперь критики укоряют меня: надо же было сдать всех, кого знал! Надо было всех назвать настоящими именами, точно привязать действие к месту и времени, чтобы легко было вычислить не только тех, кто был рядом, но и тех, кто далече! И следовало раскрыть явки, имена, пароли! Особенно подробно и ярко подобало иностранную агентуру высветить, чтоб всех повязали и посадили!

Спасибо за совет, дорогие товарищи. Но в этой жизни я иду только тем путем, который выбрал сам.

Теперь о главном.

А что для меня главное?

Главное — «Ледокол».

В Советском Союзе изучение Великой Отечественной войны запрещалось и преследовалось. Песни задушевные о войне петь — это пожалуйста. Уродливую бабу в Сталинграде слепить — денег не жалко. А то, что бетон через пару десятков лет растрескается и статуя на рукотворном кургане неизбежно накренится и просядет — это никого не волновало. Давай бюджет сейчас, а проблемы пусть грядущие поколения решают. Так вот: государство наше родное возводило циклопических идолов на курганах, денег на то не жалело, чтобы патриотизм подстегнуть (и бюджет распилить), а к архивам военных лет доступ намертво закрыло. Это и привлекло мое внимание. Война вроде бы и Великая, вроде бы и Отечественная, да только в детали вникать не рекомендуется. Что-то там прячут. Интересно, а что именно?

Сижу в академии на лекции, мне матерый волк агентурного добывания объясняет, какие признаки разведчик должен искать для того, чтобы определить, готовит супостат нападение или нет. Среди этих признаков: противник подтягивает к границе штабы и командные пункты, узлы связи и стратегические запасы топлива, боеприпасов и инженерного имущества, разворачивает аэродромную сеть... А следующую лекцию другой полковник читает о нашей вопиющей глупости 1941 года: ничего не соображающие сталинские генералы и маршалы подтянули к границе штабы и командные пункты, узлы связи и стратегические запасы топлива, боеприпасов и инженерного имущества, развернули аэродромную сеть. Одновременно строили в западных районах страны 254 аэродрома! Да с бетонными полосами! Завезли туда топливо, продовольствие, бомбы, землянок нарыли, палаток наставили, немцы пришли на все готовенькое: на складах картошка тоннами, капуста в бочках, в санчасти — бинты, даже и бомбы советские немцам сгодились, самолету один черт, какие бомбы под него вешают. Не было бы этих аэродромов — не было бы немецким летчикам такого раздолья в нашем небе, особенно в распутицу.

И все мы смеялись над глупостью товарища Сталина и его генералов. Над нами до сих пор весь мир смеется. А смеяться не надо. Не для Гитлера и его асов те аэродромы готовили, а для внезапного удара по Гитлеру. И ничего в том нет зазорного. Это же Гитлер!

Не надо семь пядей во лбу иметь, чтобы сообразить: Сталин готовил нападение. А уяснив это, можно брать любой аспект подготовки страны к войне, и мы невооруженным глазом увидим доказательства этому простому предположению. Вот были в мирное время подготовлены партизанские отряды — их разогнали прямо перед войной. Почему? Да потому, что готовились воевать на чужой территории. Наготовили невероятное количество парашютистов, которые в оборонительной войне вовсе не нужны. Зачем? Да все затем же.

Множество вопросов в своих книгах я не рассматривал — тема-то неисчерпаемая. Но возьмите любой непонятный вопрос, и «Ледокол», как золотой ключик, вам ответ откроет.

А мне говорят: в настоящей науке действуют не так — собирают факты, анализируют их, потом выводы делают. А у тебя наоборот: сначала вывод сделал, а потом этим выводом щелкаешь как орешки любые факты. Это не научный подход!

Это и впрямь подход не научный. Это подход разведывательный — усечь какую-то мелкую странность, какой-то пустячок. Вот веточка на тропинке поломанная. Отчего бы вдруг? Найти этому странному факту объяснение, а уж тогда станет понятно и все остальное. Кстати, так не только разведка действует. Про Шерлока Холмса книжки читали? Вот! Этот самый Холмс тоже внимание обращал на какие-то странные соринки, травинки и пятнышки, находил логику в вещах на первый взгляд нелогичных, и тогда все остальные факты становились понятными.

Аналитик военной разведки работает как следователь. Никто ему логику событий раскрывать не будет. В том его работа и заключается, чтобы логику эту найти. И сейфов перед разведчиком никто распахивать не станет. Кстати, и перед историком — тоже. Потому историк и разведчик — смежные профессии. Их задача — в хранилища тайн проникнуть. А если не выходит к бумагам тем доступ получить, тогда остается только вычислить

те тайны, которые в сейфах и хранилищах прячут. Постигание тайн истории — это разведка прошлого. И храбрости историку требуется никак не меньше. Рискует он жизнью, как и разведчик: голову ведь могут оторвать. Или еще что-нибудь.

Но если вникнуть глубже, то придется согласиться: в науке неисчислимо количество методов. Главное — чтобы они приближали нас к истине. Вот пример: нашел исследователь кость неизвестного допотопного зверя, прикинул, к какой части скелета эта кость относится, какие кости должны с ней содействовать, какой формы, какого размера они должны быть. Имея перед собой одну только кость, человек восстановил весь скелет из тысяч недостающих косточек. Он их «вычислил»! Через сотню лет почти целый скелет такого же динозавра нашли, сопоставили с реконструкцией столетней давности, изумились точности, сняли шляпы в знак почтения. Вот это и есть настоящая наука.

Мне говорят: пишешь о войне, а где подтверждающие документы?

Отвечаю: динозавры после себя документов не оставили. Только косточки. Разве этого достаточно, чтобы сомневаться в их существовании? А вот пример ближе. Президент США Джон Кеннеди был убит. Убийство кто-то готовил. Но где документ? Документа нет. Разве из этого следует, что убийство было совершено без всякой подготовки?

«Ледокол» я сел писать в первую же после ухода ночь. Думал уложиться в одну статью. Написал ее, но сообразил, что для ее понимания надо написать еще две поясняющих статьи, а для их понимания — еще четыре. Статьи множились, превращаясь в главы, однако надо было на что-то жить. Пришлось, не прекращая работы над главной темой, на первый план выдвинуть другую. За несколько месяцев написал «Рассказы освободителя». Для этого не надо было составлять картотеки, собирать заново сведения о дивизиях и корпусах, о генералах и маршалах, перечитывать книги отрочества и юности.

«Рассказы освободителя» — о том, как был я курсантом, как сидел на гауптвахте, как чистил генеральские сортиры, как

стал офицером, как освобождал братскую страну, которая повернула с верного пути свернуть.

Найти литературного агента, издателя, переводчика, проверять перевод, редактировать, — все это требует времени, терпения и нервов. Книжка вышла только в 1981 году. Издатель настаивал, чтобы она была опубликована под моим настоящим именем. В этом случае книга гарантированно станет бестселлером. Для того были все условия: в нейтральной Швейцарии пропал советский дипломат Владимир Резун с женой и двумя детьми.

Дипломат — это не частное лицо, а официальный представитель своей страны. Исчезновение дипломата любого ранга — сенсация. Холодная война в самом разгаре. Две сверхдержавы противостоят друг другу по всему миру от Кубы и Чили до Египта и Сирии, от Индонезии и Вьетнама до Чехословакии и Германии. В любой момент может возникнуть обострение с непредсказуемым исходом для всего человечества. Такое уже не раз бывало. А переговоры о ядерных зарядах и средствах их доставки, о подводных лодках и противоракетной обороне, о танках и пушках идут в Женеве, в стенах Постоянного представительства СССР при отделении ООН.

И вот пропал не просто дипломат из какого-то посольства, а дипломат из этого самого Постоянного представительства СССР. И Форин Офис* заявляет, что беглому дипломату предоставлено убежище в Великобритании. Радио, телевидение, пресса в нетерпении и готовности: вот первые полосы газет, вот обложки журналов для фотографий, вот эфирное время в сводках новостей. Но беглец молчит. В прессе — самые невероятные версии случившегося. Все ищут объяснения, почему нет публичных выступлений с обличениями и разоблачениями. Высказывают предположения, что дипломатия для Резуна была только прикрытием какой-то тайной деятельности. Это еще интереснее. В прессе появилась даже робкая версия: а уж не из ГРУ ли он? Из КГБ много перебежчиков. А из ГРУ последний раз человек убежал 32 года назад, в 1946 году. Кроме того, из ГРУ был полковник Пеньковский. Но он не

* Форин Офис (англ. Foreign Office) — Министерство иностранных дел Великобритании.

убежал. Если этот из ГРУ, то... Издатели обращаются в Форин Офис — вот контракты, готовы купить книгу, если он вздумает ее писать. Платим сейчас, платим обильно, неважно, что будет в той книге, главное — скорее, и чтобы на обложке было имя автора: Владимир Резун!

Но я так и не появился ни на экранах, ни на первых полосах газет. Никогда. Владимир Резун пропал навсегда. Я решил пробиваться в литературу не на гребне дешевой сенсации, а, так сказать, «на общих основаниях», и найти путь к читателю не именем на обложке, а содержанием книг. Потому начал с нуля: вот книга автора, которого никто не знает. Пробиться оказалось весьма непросто. После многих попыток, наконец, нашел издателя, который решил опубликовать книгу неизвестного автора о Советской Армии. И однажды он меня спросил: а ты, случаем, не Резун? И, узнав, что это так, возрадовался: да мы сейчас под настоящим именем! Да мы бестселлер предьявим миру! Но я не хотел никому доставлять неприятностей, потому твердо решил — только под псевдонимом. Но если так, то аванс будет мизерным, тиражи — уж как получится, никаких гарантий успеха.

Я стоял на своем: только под псевдонимом. Тогда встал вопрос: под каким? Издатель говорит: должно быть что-то русское, лучше в три слога и чтобы как-то было с армией связано, но чтобы читатель не знал, как именно это связано. Что-то где-то слышал, но не уверен.

Я говорю: Калашников! Он: нет, этого мы знаем. Да и слогов четыре. Короче надо. Я ему: Суворов. А это кто? — спрашивает. Да был такой — отвечаю.

Так и порешили. Я-то думал, один раз пошучу, а потом что-нибудь серьезное придумаю. До Советского Союза мои опусы все равно никогда не дойдут, а тут, в Британии, про Суворова знают не больше, чем про гениального полководца виконта де Тюренна, маршала Франции.

И вот один мудрый разоблачитель меня уел: пиши под своим именем или под псевдонимом, гонорар-то ведь все равно одинаковый! Вот оно, доказательство: не сам ты книжки пишешь!

Мил человек, псевдоним я выбирал только для первой книги — для той, которая про киевскую гауптвахту. Валера Симонов, мой хороший приятель по Киевскому высшему общевойсковому командному училищу, а впоследствии начальник разведки армии, вот что написал:

Лично я, читая книгу «Освободитель», был поражен, с какой точностью автор изобразил киевскую гарнизонную гауптвахту. Не скрою, самому мне пришлось там отсидеть в общей сложности пятьдесят с лишним суток. («Московская правда», 31 июля 1994 года).

Но если верить не моему другу, на порядок больше моего там отсидевшему, а разоблачителю, то выходит, что русский человек (с украинскими корнями), который там побывал и через это прошел, рассказать о своих впечатлениях не способен, и только мудрые британцы, которых там не было, которые генеральские сортиры не чистили, за меня смогли все это описать. Не иначе, что точность повествования достигнута не мной, а проникшей в те сортиры вездесущей британской разведкой.

И имя на обложке, гражданин разоблачитель, вещь не последняя. Под своим именем напиши — одни гонорары, под псевдонимом — совсем другие. Не понимать это может только тот, кто никогда не имел дела с издательским миром. Так вот: имя автора (настоящее или псевдоним) часто важнее содержания.

В моем случае ситуация выглядела просто.

Существовала в мире великая сверхдержава по имени Советский Союз. Вожди сверхдержавы учили всех, как надо жить, танками навязывая свой порядок, но в собственной стране не могли обеспечить население одеждой и обувью.

Сверхдержава бесплатно завалила мир танками Т-54, пулеметами Владимирова и автоматами Калашникова, ракетами С-75 и гранатометами РПГ-7, но была не способна себя прокормить.

Сверхдержава помогала всем, от Анголы и Эфиопии до Мозамбика и Ливии. Но эта сверхдержава была не способна построить жилье для своих офицеров.

Сверхдержава первой проложила дорогу в космос, но никак не могла обеспечить свои школы теплыми сортирами, а родильные дома — горячей водой.

Ради победы коммунизма на Кубе сверхдержава чуть было не ввергла мир в ядерную катастрофу.

Сверхдержава держала своих кормильцев в колхозах, не давая им внутренних паспортов, чтобы не разбежались, и вела упорную борьбу за свободу угнетенных народов Азии и Африки.

Сверхдержава не платила своим мужикам денег, а если потом и стала платить, то на эти деньги ничего невозможно было купить. И эта же сверхдержава каждый год вывозила сотни тонн золота в Америку в обмен на зерно: пусть американский фермер будет богат и счастлив, пусть купит себе дом, автомобиль и трактор.

Сверхдержава вела смертельную борьбу против капитализма, заявив на весь мир устами своего вождя: мы вас похороним! Но если сверхдержава похоронит проклятых капиталистов, то кто же ее будет кормить?

Так вот: из Генерального штаба этой сверхдержавы бежал офицер. И написал книгу о Советской Армии. Представьте, что издатель объявляет: вот его настоящее имя, вот фотография, вот биография. В этом случае интерес обеспечен. Успех книги в те годы, в той обстановке зависел только от имени на обложке.

А вот другая ситуация. Выходит та же самая книга о Советской Армии. Но об авторе известно только то, что зовут его, например, Македонский Александр Сергеевич. И читатель, и критики к такой книге, понятно, отнесутся с недоверием. И гарантировать успех в этом случае никак нельзя. Потому и аванс жиденький.

Я хотел, чтобы книгу оценили не по имени на обложке, а по содержанию.

И ее оценили. И она стала бестселлером.

После того ситуация изменилась на противоположную. Теперь читатель хочет новых книг, на обложке которых стоит это странное имя. Предложи издателю писать под другим

псевдонимом или даже под настоящим именем, а он уже не соглашается.

Пока «Освободителя» переводили, пока готовили к изданию, — а дело это долгое и муторное, — я сочинил вторую книгу. Новый псевдоним придумал, но издатель отрезал: поздно, братец, ты теперь знаменит под псевдонимом Суворов.

Вторую книгу назвал «Советская Армия: проблемы и решения». Издатель название отверг. Книга вышла под названием «Inside the Soviet Army» («В Советской Армии»). Книга эта была о самых простых вещах: о преимуществах сапога перед ботином, о том, почему советскими батальонами не всегда командуют подполковники, но бывают и майоры, а то и капитаны. Объяснял я самые элементарные вещи.

Над нами тогда смеялись. У русских есть калибр 76 мм. Были у них и зенитные, и корабельные, и танковые, и полковые, и дивизионные пушки этого калибра. А они, глупенькие, для СПГ-9 зачем-то новый калибр выдумали — 73 мм. Есть у них калибр 122 мм — это и гаубица, и танковая пушка, и самоходка на базе ИС-2, и корпусная пушка. А они зачем-то создают самоходную гаубицу того же калибра 122 мм, а для танков новый калибр выдумали — 125 мм! Где стандартизация? Где логика? Глупость, да и только. И хохот по обе стороны Атлантики эхом гремел.

Я в книге на этом и других примерах объяснил: нет, господа, все тут правильно, все логично. Это у вашей мамы дурные дети. Додуматься надо: в Западной Германии миномет 120 мм и танковая пушка 120 мм. Но ведь снаряды танковой пушки к миномету не подходят. Так зачем вам такая стандартизация? Она только путаницу порождает. Нужно в бою под грохот канонады заказать боеприпасы такого-то калибра, да потом еще орать в телефонную трубку, что именно имеется в виду.

Книга эту писал для людей военных, доказывая единственную идею: не надо нас считать дураками, не дурнее вас, господа. Почему-то эту книгу стали покупать не только военные, но и студенты, пенсионеры, школьники, домохозяйки. Книга стала не просто бестселлером, но «книгой месяца» в США. Это позволило мне одним махом рассчитаться со всеми долгами и

купить домик с мраморным камином. Теперь можно было всю жизнь вообще ничего не делать или делать только то, что нравится. А нравится мне книжки писать. После этого был «Аквариум», «Контроль», были другие книги.

Отдельная тема — многострадальная книга «Спецназ».

Ради чего она была написана? Отвечаю: многое в нашем родном Отечестве делается не так, как у людей. Не знаю, как бы это деликатно выразить... Одним словом, многое, если не все, делается у нас не через голову. Официально наша самобытность именуется красивым термином «особый путь развития». В соответствии с «особым путем» — когда делается не через голову — мы получили самую большую на планете территорию. И дичающий, спивающийся, деградирующий, равнодушный ко всему, в том числе к собственной судьбе, вымирающий народ.

Обратимся к потрясающим полотнам Верещагина «Смертельно раненый», «Нападают врасплох», «После удачи», «Представляют трофеи». Мы видим чудовищную войну в Туркестане, жестокую бойню, разбитых врагов и отрезанные русские головы. Кстати, на уроках истории это мы не проходили, это нам не задавали.

Зачем же нам Туркестан? И зачем отрезанными русскими головами те победы оплачивать? Нам места на земле не хватало?

Обратимся к великой русской литературе. Весь XIX век — война на Кавказе. О ней писали многие наши классики, от Лермонтова до Толстого. И ради чего десятками лет воевали?

Возразят: не мы одни. Испанцы тем же занимались, и португальцы, британцы и французы, потом немцы подтянулись, Бельгия с Голландией не отставали. Правильно. Но завоевав необъятные территории, колонизаторы использовали природные и человеческие ресурсы новых земель себе на пользу. А мы, присоединив соседние государства, следуя «особым путем», тут же начинали платить дань местным царькам.

Где же денег достать, чтобы кормить эту рать?

Как где? Содрать пять шкур с русского мужика. Так было при царях, так было и при генсеках: всевозможные узбекские и туркменские, грузинские и азербайджанские начальники жили

в царской роскоши, получали невиданные дотации, не принося покорившему их народу никакой пользы.

А ребятам в Кремле было мало. Им не терпелось больше земли прирезать, больше дани платить все новым нахлебникам. В деле расширения владений Советского Союза не последнюю роль играло Главное разведывательное управление Генерального штаба (ГРУ ГШ) и его ударные части — Спецназ.

С момента создания и почти до самого крушения Советского Союза термин этот был секретным. Спецназ был только в руках военной разведки. Это сейчас разнообразных «спецназов» развелось во множестве. А тогда не надо было уточнять: если Спецназ — значит, Спецназ ГРУ.

Про существование самого ГРУ тоже мало кто знал. В Грузии машины ходили с номерными знаками «ГРУ», и никого это не удивляло. Кстати, именно поэтому Штирлиц в «Семнадцати мгновениях весны» провожает пастора Шлага на машине с советским номером — белым по черному русскими буквами: «21-47 ГРУ». Случилось это потому, что освободители Европы в 1945 году везли трофеи из Германии, а потом трофеи почему-то осели на Кавказе. Для съемок фильмов немецкие машины времен войны арендовали у богатых кавказских владельцев, поленившись перед камерой поменять номера.

Но не будем отвлекаться.

Идея создания частей СпН ГРУ была вот такая: давайте отберем лучший человеческий материал — не просто самых физически здоровых, выносливых и крепких, но кроме того, — и это главное, — умных, способных, развитых, создадим из них мощные боевые соединения и бросим на захват все новых земель! А захватив территории соседей, обложим русский народ новым оброком и будем платить дань покоренным! И всем будет хорошо! И пусть на наши деньги все новые князьки и царьки возводят дворцы себе и своей челяди, пусть содержат гаремы, закупают звезд мирового футбола в свои районные команды и приглашают светил Голливуда на празднование своих маленьких юбилейчиков. И весь мир с содроганием будет смотреть на карту, видеть самую большую территорию и считать нас самыми сильными!

Я принципиальный противник превращения русского народа в кормильца и донора бездельников и нахлебников, я против выплаты дани, я против захвата все новых ненужных земель и оплаты этих захватов русскими головами.

Спецназ — лучшие боевые части Советской Армии, но предназначены эти части были для решения задач, которые прямо противоположны интересам русского народа. Вот почему я сообщил не кому-нибудь, а всему миру о существовании, структуре, вооружении и тактике этого любимого мною гибкого, сильного, хитрого и свирепого зверя. И совесть не грызет. Я действовал в интересах русского народа так, как эти интересы понимаю. Не нужен нам берег Турецкий, и Африка нам не нужна! И незачем нам кормить паразитов, особенно если мы не можем даже своих офицеров обеспечить жильем, а своих стариков — достойной пенсией.

Написал книгу, отдал британскому издателю, тот долго-долго сопел и пыхтел, не решаясь издавать. В Германии — та же история: книга почему-то никак не выходила. А потом вдруг она внезапно вышла в Лондоне. Я открыл — и был шокирован. Текст книги беспощадно сократили. Я — к издателю, а он объясняет: слишком длинно у тебя получилось, да и зачем о том, да об этом, зачем политической корректности вопреки в какие-то глубины лезть?

Основной удар длинных цензорских ножниц пришелся по психологии бойца, по способам выживания в экстремальных условиях, по тактике боевых действий, по методам добывания (вернее — выбивания) разведывательных сведений.

Немедленно все проблемы пропали и у немецкого издателя. Книгу он тут же издал, но в переводе с английского, даже и обложку ту же оставил: нам так было удобнее.

В это время в Польше поднималась мощная волна протестов, Самиздат процветал. У меня связи с подпольными польскими издателями не было, а они не могли меня найти. Потому, меня не спрашивая, польские подпольные издатели перевели эту книгу с немецкого...

Русских издательств за границами Советского Союза было много, я — к ним: граждане-господа, книгу в истерзанном виде

публикуют, но вот полная моя версия, берите бесплатно, только пусть выйдет весь текст!

Храбрых не нашлось. Ни на полный текст, ни даже на кастрированный. На русском языке книга никогда не выходила.

Потом Советский Союз рухнул. И разом все осмелели: давай!

А зачем? Чтобы узнать задач частей СпН Западной группы войск в предстоящих сражениях с войсками НАТО? Так ведь нет больше никакой Западной группы, и нет Германской Демократической Республики, на территории которой располагались армии, корпуса и дивизии ЗГВ. Нет больше ни Центральной, ни Южной, ни Северной групп войск. Там теперь суверенные государства, и все они нашими братьями больше не являются. Нет больше ни Прикарпатского, ни Прибалтийского, ни Белорусского, ни Киевского, ни Одесского военных округов. А ведь округ — это группа армий! В каждом округе была бригада СпН. Кроме того — в каждой общевойсковой и танковой армии — собственная отдельная рота СпН. Но рухнуло все.

Если бы книга до крушения Советского Союза вышла в полном объеме, то сейчас можно было бы сказать: это самое первое, что было опубликовано по данному вопросу, не судите строго, не ангел Божий писал, а человек, зело незнанием преисполненный.

Но если не вышло тогда, то теперь возвращаться к прошлому нет смысла. Тем более что в одном вопросе я глубоко ошибся. Я предсказывал, что Советская Армия никогда не уйдет из Афганистана. Вводить войска в Афган было величайшей глупостью, но выводить — самоубийством. Вот уж действительно: вход — рубль, выход — два. Ведь все понимали: если войска из Афгана вывести, Советский Союз рухнет мгновенно. Потому я считал: оттуда не уйдут.

Но ушли. И ровно через шесть месяцев посыпался социалистический лагерь. С августа до декабря 1989 года весь «лагерь» распался. А через полтора года — и сам Советский Союз.

Во времена моей службы части СпН ГРУ не сделали ни одного выстрела на войне. А после моего ухода они ни на один день не выходили из боя. Потому у меня нет морального права что-либо о них сейчас писать.

Варианты книги «Спецназ», которые ходят в Сети, являются злым и безграмотным переводом с польского, который является вольным переводом с немецкого, который является переводом с английского, который является плохим переводом с изрезанного, извращенного, неполного русского оригинала.

В тексте из Сети возьмите самую первую фразу про какие-то «лопатки». Переводчик явно стремился унижить и осрамить наших славных ребят, представить дело так, что все это не серьезно, что речь о чем-то вроде песочницы на детской площадке.

Но нет в частях СпН никаких лопаток! Инструмент, который люди, не служившие в армии, по незнанию именуют «саперной лопаткой», носит другое название — лопата малая пехотная.

Весь остальной текст в том же духе — безграмотный!

К этим сочинениям я отношения не имею. Прошу за них меня не судить.

В 1985 году я завершил «Ледокол». Издательств тут много, но опубликовать книгу не удалось. Я поместил несколько фрагментов в газете «Русская мысль», в журнале «Континент» и в журнале Королевского консультативного института по вопросам обороны (Royal United Services Institute for Defence and Security Studies). Упорно искал издателя. Работу над книгой тем временем продолжал. Добавлял новые главы, переписывал старые. Книгу впервые удалось опубликовать на немецком языке в 1989 году, на английском — в 1990 году. На русском языке за рубежом «Ледокол» так никогда и не вышел. Брались некоторые, а потом заявляли, что надо бы стиль изменить. А то какой-то не научный.

Я им: а мне научного не надо. Книги для кого пишем? Правильно — для народа. Так вот и давайте писать тем языком, который нашему народу понятен и близок. Писать ученым языком ума не надо. Писать ученым языком любой академик способен. А вот вы попробуйте так написать, чтобы и школьникам, и домохозяйкам, и солдатам, и офицерам, и лесорубам, и музыкантам интересно было.

Совершенно преднамеренно я не стал свою теорию доказывать на поле академическом, не стал спорить с нашими высоколобы-

ми и мудрыми. Писал так, чтобы мысль моя дошла до широких народных масс, а уж они пусть высоколобым вопросы задают и требуют ответа.

Тем временем в Советском Союзе разбушевалась так называемая «гласность», под прикрытием которой архивные документы уничтожались тоннами. Журнал «Нева» опубликовал «Аквариум» и обратился ко мне: давай еще что-нибудь! Я им: так ведь не напечатаете. А они: давай, у нас свобода слова. Дал я им «Ледокол», и повисла тишина. Звоню через месяц: ну как? Отвечают, что здорово, только вот даты нет такой, к которой публикацию можно было бы приурочить. Идут месяцы, подходит дата: пятидесятая годовщина начала Великой Отечественной войны! Звоню: ну так как? Понимаешь, отвечают, не можем же мы к такой дате ветеранов обижать.

После этого снова все замерло. Причина все та же: даты нет, к которой приурочить можно. А если просто так публиковать, то кто же это читать будет? Так никто и не решился, даже и после того, как рухнул Советский Союз.

Издавать «Ледокол» взялся Дубов Сергей Леонидович. Сомневался: каким должен быть тираж? Человек был осторожный, рисковать не любил, потому сначала сделал робкий заход — всего 320 тысяч. Потом сообразил, что мало, и пока печатали пробный тираж, добавил первый миллион.

А у меня других книг — полное лукошко. Пока «Ледокол» не начал писать, думал, что обойдусь одной большой статьей. Через много лет выяснилось, что и книги одной не достаточно. Для того, чтобы пояснить некоторые моменты в «Ледоколе», пришлось написать «День М» и «Последнюю республику», а «Последняя республика» в свою очередь растянулась на три книги.

Пришлось разрабатывать и параллельные темы, которые возникали по ходу дела. Мне твердили: да не могли эти русские такое замышлять, они же к войне были совершенно не готовы. На это решил ответить мощной статьей: да вы на Гитлера посмотрите! На его воинство, на готовность к войне. Статья, как только сел ее писать, тут же разрослась в книгу «Самоубийство»: дури в гитлеровском государстве и в армии было никак

не меньше, чем у нас. Написав книгу, сообразил, что тема только вскользь затронута. Будет время — я к ней вернусь.

Критики не унимаются: не мог Сталин нападение готовить, он же сам свою армию обезглавил. На это решил ответить мощной статьей, которая вылилась в книгу «Очищение»: любуйтесь на Тухачевского и подобных ему «гениев». И эта тема оказалась бездонной. Я ее только приоткрыл. Может быть, и к ней вернусь. Нет времени на все, другая проблема горизонт затмила: уж такой у нас гениальный был полководец по фамилии Жуков, уж такой талантливый... Пришлось и на это откликнуться статьей, которая потребовала двух пояснительных статей, которые потребовали... В итоге сейчас у меня о Жукове только две книги — «Тень победы» и «Беру свои слова обратно». Но уж до него я однажды снова точно доберусь.

Вот уже четверть века «Ледокол» опровергают, казалось бы, зубодробительным аргументом: один человек не мог такое написать, тут работала группа экспертов из британской разведки.

Прием старый. Приему этому много сотен лет. Когда ребятам из Святейшей Инквизиции — тем самым, у которых холодные сердца и горячие головы, — нечем было крыть, они объявляли: да это не ты писал, твоей рукой водил Дьявол! Вот и все. И поди докажи, что это не так. Тем этот ход хорош, что позволяет сразу уйти от обсуждения существования вопроса: это творение Дьявола, о чем еще спорить?

Так вот, использование аргумента про британскую разведку — проявление трусости и попытка увернуться от обсуждения действительно важных вопросов. Я вот уже скоро тридцать лет требую: выставляйте же группу экспертов против меня, сшибем перед телекамерами, а народ рассудит.

Но ни министр обороны, ни начальник Генерального штаба, ни президент Академии наук, ни вышестоящие вожди пока на сей призыв не откликнулись. И не откликнутся никогда. Потому, что их точка зрения не логична и глубоко аморальна. Они отстаивают два взаимоисключающих постулата.

Первый: Красная Армия спасла Европу от нацизма.

Второй: Советский Союз был верным союзником Гитлера, никогда на Германию нападать не стал бы, никого освобождать не собирался и не замышлял.

Зачем это делается? Зачем вожди и их идеологическая обслуга с остервенением доказывают недоказуемое? Да затем, что надо разворовать остатки былой мощи и богатства страны, но воровать у людей умных не просто. Потому их нужно одурачить. И вот результат: десятки миллионов дружно повторяют: Советский Союз освободил Европу от коричневой чумы, но освобождать не хотел, да и был на это не способен, потому что был к войне совершенно не готов.

Дружба и сотрудничество с Гитлером, соучастие в его преступлениях, поставки стратегического сырья, без которого ведение войны и захват Европы были невозможны, — это наш национальный позор. Я поломал свою судьбу, изломал судьбу родным, друзьям, близким ради того, чтобы доказать стране и миру: союз с Гитлером был тактическим приемом, отвлекающим маневром. А стратегический замысел Сталина — разгром Германии и освобождение Европы от коричневой чумы. Быть другом Гитлера — срам и запредельная мерзость. Напасть на Гитлера — дело святое. Заявляя это, я спасаю честь своей страны, народа и армии. Об этом все мои книги.

Написать книгу за кого-то легко. Но написать хорошую книгу за кого-то невозможно.

С ранней юности, еще когда сочинял историю о механическом коте, я пытался разрешить загадку: а что же это такое — хорошая книга? Каким требованиям она должна удовлетворять?

Долго думал, мудрил, размышлял и вот к чему пришел.

Позвольте поделиться: на мой взгляд, хорошая книга должна удовлетворять только одному требованию — она должна быть интересной.

Возрают: да как же так! Она ведь еще должна быть и мудрой, и толковой, и содержательной, познавательной, зовущей, мобилизующей, вдохновляющей, душевной. Еще кучу нам разных требований вывалят.

Возразим на возражения: если книга интересная, разве этим не сказано все? Разве этим не исчерпаны сразу все возможные характеристики? Разве к этому надо что-то добавлять?

Ну давайте же рассудим. Если книга интересная, то может ли она к тому же быть еще и дурацкой? Если интересная, то может ли быть bestолковой? Бессодержательной? Пустой? Бездушной?

Интересная книга всегда и умна, и толкова, и познавательна, и душевна.

Но как же ее такой сделать? Говорят, что надо вложить в свое творение кусочек души.

Нет, граждане! Не обольщайтесь! Кусочка не хватит!
Не жлобствуйте! Не жмитесь! Не жадничайте! Не скупитесь!
Вкладывайте ее всю! Целиком! Без остатка!

А как же потом? Если всю душу вложишь, с чем же останешься?

Успокойтесь, скептики, циники и пессимисты. Она же бессмертна. Вложите душу в свое творение, от вас не убудет. Наоборот, душа ваша после того станет выше, шире, глубже и чище.

Интересно, а что проще: интересную книгу сочинить или снять интересный фильм?

Тут двух мнений быть не может. Чтобы снять интересный фильм, нужно вложить душу и деньги. А для книги достаточно одной только души. Согласимся: пузырь чернил, перо из гусиного хвоста и папирус — не такие большие расходы. По большому счету — инвестирована одна только душа.

И это все?

И это все.

Но и тут не так все просто. Не каждый способен душу свою обнажить и выложить. Да не у каждого она и есть. Некоторые, может быть, и хотели бы ее выложить, да не могут по причине ее полного отсутствия. Потому-то хорошую книгу встречаешь отнюдь не каждый день. Именно поэтому хорошую книгу за кого-то написать невозможно. Свою душу в чужую обложку не втиснешь.

И когда у моих противников иссякают аргументы, они начинают сочинять обо мне грязные и мерзкие лживые истории. Меня это расстраивало. Но судьба в подруги жизни послала звонкую девочку из группы контроля. Тут ее иногда спрашивают: у вас такой красивый акцент, вы, наверное, шведка? Да, — отвечает, — шведка, из-под Полтавы. Эта мудрая женщина, с которой мы недавно справили Рубиновую свадьбу, меня однажды успокоила: пусть говорят! Пусть громче говорят! Пусть кричат, визжат и вопят! Это же свидетельство того, что возразить им нечего. Это — признание.

*Виктор Суворов, он же Владимир Резун
21 августа 2011 года*